

«Веймарские демократы “первого часа”» между властью и обществом

Аннотация. Предметом исследования является рассмотрение деятельности «веймарских демократов “первого часа”» на этапе становления Веймарской республики. Анализ делается с точки зрения критического подхода к распространенному тезису о том, что Веймарская республика являлась «демократией без демократов». Автор дифференцированно рассматривает состав правящей политической элиты Веймарской Германии, выделяя из него представителей СДПГ, ПЦ и ГДП, занимавших правительственные посты в первых кабинетах. Основатели первой германской республики стремились создать образцовую демократию начиная с заседаний в Веймаре, европейском духовном центре, и принятия «самой демократической конституции в Европе». Однако данный эксперимент был осложнен в первую очередь поражением Германии в Первой мировой войне и свержением монархии. К тому же «веймарские демократы “первого часа”», находившиеся между политическим прошлым, понятным основной массе населения, и демократическим настоящим, понятным только горстке руководителей, подверглись нападкам со стороны право- и леворадикальных сил. Перфекционизм веймарских демократов встретил серьезное сопротивление электората, армии, чиновников, юстиции. Германское общество было не готово функционировать на демократических принципах, предложенных «демократами “первого часа”», тем более принять демократию как ценность.

Ключевые слова: Веймарская республика, первая германская демократия, Веймарская конституция, Версальский договор, рейхсканцлер, рейхсминистр, «демократы “первого часа”», политическая элита, закон, традиции.

Review. The aim of this research is to examine the activities of the “Weimar democrats ‘of the first hour’” at the formative stage of the Weimar republic. The analysis is carried out from a critical viewpoint towards the widespread opinion that the Weimar republic was a “democracy without democrats”. The author differentially considers the composition of the ruling political elite of Weimar Germany, singling out the representatives of the Social-Democratic party of Germany, the Centre party, and the Civic-Democratic party which held government positions in the first cabinet. The founders of the first German republic aimed to create a model democracy starting with meetings in Weimar, the European spiritual centre, and adopting the “most democratic constitution in Europe”. However, the given experiment was complicated in the first place by the defeat of Germany in the First World War and by the overthrow of the monarchy. In addition, the “Weimar democrats ‘of the first hour’”, caught between the political past comprehensible to the masses and the democratic present comprehensible only to a handful of leaders, were subjected to attacks from the right- and left-radical forces. The perfectionism of Weimar democrats was met with serious resistance from the electorate, army, officials, and justice system. The German society was not ready to function on the democratic principles proposed by the “Weimar democrats ‘of the first hour’”, and even less ready to accept democracy as a value.

Key words: “democrats ‘of the first hour’”, Reichsminister, Reichskanzler, Treaty of Versailles, Weimar constitution, first German democracy, Weimar republic, political elite, law, tradition.

Германский исследователь Г. Шнайдер заметил, что в Германии бросается в глаза недостаток политической элиты, из которой вырастают государственные руководящие слои нации. Если после поражения Пруссии в битве под Йеной в 1806 г. образовалась новая политическая элита, находившаяся в тесном взаимодействии с творческим расцветом германской духовной жизни, и появились реформаторы типа Г. Штейна и Г. Шарнхорста, то после Первой мировой войны и краха кайзе-

ровского рейха такого развития не произошло. «Напротив, – писал Шнайдер, – ...старая трагическая германская пропасть между властью и духом не проявила никакой склонности к тому, чтобы уменьшиться» [17].

Насколько данная точка зрения является объективной? Действительно ли правящая политическая элита Веймарской республики оказалась столь далека от потребностей общества, потребностей времени? Категоричность данных выводов во многом обусловлена траги-

ческой судьбой Веймарской республики, получившей впоследствии штамп «демократии без демократов». Однако не все было так однозначно, так как правящая политическая элита Веймарской Германии имела гетерогенный состав, что обуславливалось альтернативностью развития Германии этого периода. Старой, традиционной элите, опиравшейся на национальные приоритеты, противостояла новая, ориентированная на идею демократии. Особое место в рядах последней занимали «веймарские демократы “первого часа”», действовавшие на этапе становления республики. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать, как основатели республики, имея высокие идеалы в духе лучших традиций Веймара, считавшегося европейским духовным центром, решили создать образцовую демократию, демонстрируя тем самым близость власти и народа, однако своим перфекционизмом заложили под республику «мину замедленного действия», возможно, до конца не осознавая этого.

Первоначально несколько слов относительно понятия «веймарские демократы “первого часа”». Оно включает в себя рейхсканцлеров и рейхсминистров от трех партий – Социал-демократической партии Германии (СДПГ), Партии центра (ПЦ) и Германской демократической партии (ГДП), – которые на выборах в Учредительное собрание получили большинство голосов и образовали самые демократические правительства за все годы существования республики – правительства «веймарской коалиции». Если попытаться представить коллективный портрет «веймарских демократов “первого часа”», то он выглядит следующим образом. По возрастному составу, согласно классификации политических поколений в истории Германии во второй половине XIX в. Д. Пойкерта [13, 25], их можно причислить к «поколению грюндерства», т. е. родившихся в 1870-е гг. Если говорить о социальном составе, они представляли средние и низшие слои населения. Среди них можно было встретить шорника (Ф. Эберт), столяра (Р. Шмидт, В. Кох, А. Штегервальд), корзинщика (Г. Носке), сортировщика сигарет (К. Зеверинг), печатника (Ф. Шейдемман), токаря (Р. Виссель), механика по точной обработке металла (А. Шлике).

В конфессиональном плане наряду с протестантами они включали и выходцев из «политического гетто» южной Германии, т. е. католиков, представителей ПЦ. Впервые Германия проверяла себя на национальную толерантность, вве-

дя в руководящий состав евреев. По политическим взглядам их можно причислить к демократически мыслящим личностям, что, однако, не означало приверженности к республиканской форме правления. Все поддержали вступление Германии в Первую мировую войну. Были и такие, кто пожертвовал своими сыновьями: на фронте погибли два сына будущего президента Ф. Эберта, сын будущего министра финансов М. Эрцбергера, покончил жизнь самоубийством не вынесший воспоминаний о военных кошмарах сын рейхсверминистра Г. Носке.

Специфические условия деятельности «веймарских демократов “первого часа”» были связаны не только с итогами Первой мировой войны для Германии и революцией, но с особенностями элитобразования в политической сфере. По наследству Веймарской Германии достались «лучшая в мире военная и гражданская бюрократия – по незапятнанности, образованности, добросовестности и уму», предметом гордости которой являлось сохранение «беспристрастности», умение преодолевать свои собственные склонности и мнения [1, 173]. В Германии отсутствовали лидерские натуры в политической сфере, так как, по точному замечанию М. Вебера, «человек с мощным инстинктом власти и прочими аналогичными качествами вследствие политической структуры государства (что означает просто-напросто: вследствие бессилия парламента и связанного с этим чисто чиновничьего характера министерских постов) должен быть прямо-таки идиотом, чтобы залезть в эту жизненную систему коллегиальной зависти и ступить на скользкий путь интриг на высочайшем уровне» [1, 163]. В совокупности вышеуказанные обстоятельства представляли собой огромный потенциал сопротивления начавшейся демократизации.

Эберт и реформистское крыло СДПГ стремились сплотить общество и обеспечить стабильное внутри- и внешнеполитическое положение Германии. Для них обязательным был принцип построения нового политического порядка при содействии всех граждан, а не только части. Их политическая цель заключалась в установлении парламентской демократии вместо «конституционно-вильгельмовского административно-властвующего государства» [23, 54]. Вышеуказанные основополагающие принципы определили характер и направления дальнейших политических событий в революционной фазе. Был заключен пакт Грёнера–Эберта, где

ОХЛ (верховное главнокомандование) обязало не участвовать в контрреволюционных акциях, и пакт Стиннеса–Легина от 15 ноября между работодателями и профсоюзами, который предусматривал взаимодействие работодателей и профсоюзов в реорганизации военной экономики. Данные шаги делали классовые антагонизмы временными и заставляли признать существование общих проблем, требовавших подняться над собственными интересами. Руководство социал-демократии жестко, с помощью военного насилия подавляло всякие попытки дестабилизации общества со стороны леворадикальных элементов. И все ради компромисса в обществе. Но, как справедливо отметил Х.-А. Винклер, «масштабы сотрудничества и отказ от изменений зашли дальше, чем этого требовали обстоятельства» [22, 382].

Новая элита вступила в союз с традиционной элитой, не имевшей развитого всестороннего самосознания из-за недостатка национальной идентичности. Германия в начале XX в. с точки зрения политических ценностей являлась, скорее, обществом традиционалистским с элементами модернизированного. Демократические политики Веймарской Германии предложили немцам отказаться от прежних традиций политической культуры – этатизма, аполитизма, «немецкого идеализма», боязни конфликтов, формализма [2, 144], монархии, государственности, порядка, закона, дисциплины, долга, послушания – и заменить их на новые: демократию, республику, парламентаризм, свободу, индивида, оппозицию. Если же следовать замечанию германского исследователя Теодора Гайгера о том, что «идеология похожа на одежду, а менталитет, напротив, – на кожу» [11, 42], то для восприятия вышеназванных ценностей – пока даже на уровне идеологии – политическое сознание немецкого населения должно было находиться в согласии с новым государством, а этого согласия не было, как и массовой поддержки демократической элиты. Данная констатация не означала, что немцы были неспособны воспринимать демократию. Нет никакой общей немецкой политической традиции. Существуют лишь элементы традиций, проявление которых зависит от конкретной исторической ситуации, в т. ч. от конкретных условий перехода к демократии [2, 137].

Такой традицией являлось использование понятия «рейх», которое сохранилось в конституции. Веймарская конституция носила явно

компромиссный характер – начиная с употребления слова «Reich» в статье 1: «Das Deutsche Reich ist Republik» [3, 151], что можно было трактовать двояко, так как слово «Reich» означало или «империя», или «государство». По этому поводу Гуго Пройс, получивший имя «отца» конституции, сказал следующее: «Было высказано пожелание убрать название “рейх” и на его место поставить “германская республика”. Если проект (конституции. – Т. Е.) этого не сделал, то не из-за боязни признать республику, а потому, что слово и мысль, связанные с рейхом, имеют для немецкого народа такое глубоко укоренившееся эмоциональное значение, что его, как я думаю, – не могу за это нести ответственность – необходимо сохранить» [16, 7]. До этого и в веймарский период имперская идея несла в себе большой теологический заряд, связанный с осуществлением божественной миссии. В связи с этим достаточно примечательным является высказывание современника, публициста, автора многочисленных работ рейхсминистра В. Ратенау: «На Земле Германия имеет свое собственное призвание. Это – не Мессия милитаризма, это не Мессия осуществления механизации всей нашей жизни и внедрения техники <...> менее всего это – Мессия мирового господства <...> Это – Мессия установления чистого, неподкупного, непоколебимого и непреклонного духа» [15, 210].

Немцы являлись лидерами научных разработок в области гуманитарных знаний, возможно, поэтому «веймарские демократы “первого часа”» и решили предложить «старым» европейским демократам конституцию молодой германской демократии. Правда, по «отцу-создателю» Г. Пройсу ее назвали еврейской. Относительно данных нападок по поводу «ненемецкого» происхождения конституции Пройс заметил, что те, кто этим занимается, «сознательно призывают к антисемитизму» и если они хотят лично его облить этой грязью, то «я защищаю себя словечком Pfu! (тьфу), которым Бисмарк выражал свое отвращение и презрение» [21].

Анализ взаимоотношений между законодательной и исполнительной властями показывает, что Веймарская конституция представляла собой симбиоз американской и французской систем правления с властью президента, который избирался народом, но не являлся главой кабинета. Президент назначал и увольнял рейхсканцлера и рейхсминистров, ответственных перед парламентом. Вместе с тем депутаты Нацио-

нального собрания учли и определенный опыт германского кайзеровского рейха с дуализмом в руководстве. Определенный интерес вызывает то обстоятельство, что германские конституции 1849, 1871, 1919 гг. и Основной закон ФРГ 1949 г. всегда учитывали опыт предыдущего конституционного строительства и обязательно выдвигали максималистские тезисы, которые реализовывались на следующем этапе государственного строительства. Германские демократы веймарского периода, пережив авторитарно-монархический режим кайзеровской Германии, решили сделать рывок к абсолютной демократии. В ходе заключительных дебатов по конституции Э. Давид заявил: «Конституция предоставляет вам возможность легальным путем провести преобразования согласно вашим воззрениям при условии их поддержки со стороны требуемого большинства. Дорога открыта для любого легитимного мирного развития. В этом основная ценность истинной демократии» [18, 70].

Веймарская конституция провозгласила равные условия для всех – самых различных – политических воззрений, установив тем самым принцип политического плюрализма. Однако что собой представлял механизм защиты демократической власти? Статья 21 [3, 155] содержала положение о том, что депутаты подчиняются только своей совести и не связаны мандатами, т. е. в конституции не предусматривалась ответственность депутатов перед избирателями, а это значит, что народ не имел возможности реального контроля над избранниками. Статья 76, регулировавшая условия изменения конституции, была проявлением больше формального характера компромисса, чем делового. Положение о необходимости наличия соответствующего большинства при всех легальных изменениях конституции не стало средством республиканской самозащиты. Поэтому неслучайно у современника Леонарда Нельсона, немецкого философа-идеалиста, можно встретить следующее суждение: «Демократия – это не большая арена, где побеждают наиболее способные. Это – ярмарка, на которой самый хитрый и продажный болтун обходит честного человека, уважающего право» [12, 242].

Казалось, Веймарская конституция, провозгласив равные условия для всех, тем самым демонстрирует свою надпартийность. И Фридрих Эберт, первый президент Веймарской республики, называл себя не только «гарантом Конституции рейха и помыслов рейха» [6, 149],

но и рассматривал себя «как доверенное лицо всего народа», а «не как представителя одной-единственной партии». Готхард Яспер, германский исследователь деятельности Ф. Эберта, назвал данный мотив «социально-интегративным», надклассовым [6, 149]. Поводом для такой интерпретации веберовской трактовки о необходимости единой надпартийной силы могло послужить начало революции в Германии, когда в результате соприкосновения двух процессов – квазилегальной передачи власти «сверху» и образования революционных органов власти «снизу» – главные позиции занял Ф. Эберт, руководитель СДПГ – большинства. Он оказался в двойственном положении: будучи назначенным рейхсканцлером М. Баденским и тем самым превратившись в носителя власти, аккредитованного старым порядком, в известной мере он стал мостом легальности; одновременно как председатель Совета народных уполномоченных (СНУ) он опирался на революционную легитимность и был ответственным за нее. При этом Эберт выполнял двойную функцию: как рейхсканцлер он являлся авторитетной личностью для поддержания лояльности среди служащих и офицеров; как председатель СНУ был представителем новой революционной власти. Эберт в известной мере стал тем мостом, на котором совершался эволюционно-революционный переход от старого порядка к новой консолидации политических сил. Именно эта двойственность положения Эберта и его партии привела к тому, что до сих пор не стихают споры относительно оценки деятельности СДПГ в революции 1918–1919 гг.: социал-демократическому руководству принадлежит заслуга в стабилизации положения или оно совершило предательство революции и идеи социализма. Революционная теория вступила в противоречие с реформистской практикой.

Сохранение преемственности и переход Германии к этапу демократического развития на основе компромисса стали основополагающими принципами для «веймарских демократов “первого часа”». Только ясное и понятное лидером не означало ясного и понятного для основной массы населения. Примечателен и тот факт, что и М. Вебер, и Г. Пройс, и Ф. Науман были сторонниками монархии, а не республики, т. е. являлись «сердечными монархистами». Однако конкретные исторические обстоятельства требовали корректировки взглядов. Ф. Шейдеман одним из первых заявил, выступая в Нацио-

нальном собрании 7 октября 1919 г., что в изменившихся условиях «каждый немец по меньшей мере должен быть республиканцем по разуму» [20, 2887].

Однако в рассматриваемый нами период государственные посты занимали преимущественно бывшие «аузензайтеры» (представители от СДПГ, радикального крыла ПЦ, с большой натяжкой некоторые члены ГДП), которые являлись сторонниками первой германской демократии, выполнения условий Версальского договора. В силу существовавшей дистанции между «врагами рейха» (социал-демократы и католики, с точки зрения О. Бисмарка. – Т. Е.) и кайзеровской властью именно первые могли сделать шаг вперед, осуществляя непопулярные решения, но крайне необходимые для дальнейшего существования и развития Германии, – в отличие от политиков, которые до этого уже были во власти.

В первую очередь речь идет о деятельности «самого нелюбимого немца за последние 100 лет» (Эшенбург) Матиаса Эрцбергера (ПЦ), подписавшего Компьенское соглашение и осуществившего важные мероприятия в финансовой сфере. Тяжелый груз ответственности и общественного порицания взяли на себя Герман Мюллер (СДПГ) и Йоханес Бель (ПЦ), министры кабинета Густава Адольфа Бауэра (СДПГ), подписавшие Версальский договор. Филипп Шейдеман (СДПГ), впоследствии глава первого кабинета Веймарской Германии, объявил о падении династии Гогенцоллернов и провозгласил германскую республику.

В целом события 1919 г. показали, что первые результаты консенсуса как неотъемлемой части немецкой политической традиции – заключение Версальского договора и принятие Веймарской конституции – стали «родимыми пятнами» республики. Формально первым проявлением национального единства был Версальский договор, ратифицированный 28 июня 1919 г. Вторым было принятие Веймарской конституции, которая и вобрала в себя всю противоречивость многообразных политических сил, заключивших компромисс. Итоговое решение воспринималось каждой из действующих сторон как уступка и не олицетворяло согласия по вопросам принципов. Для большинства участников Национального собрания важна была не демократическая суть решений, не принятие «самой демократической конституции в Европе» [22, 407] (Э. Давид). Большинство объединяла ненависть к Версалию, невозможность что-то изменить сей-

час и стремление создать условия для изменения ситуации в будущем. «На долю внешней политики выпала несчастливая интегрирующая функция по объединению расколотого германского общества» [9, 284].

Капповский путч в марте 1920-го, бегство правительства из Берлина, результаты выборов в июне 1920 г. свидетельствовали о сильнейшей дискредитации политики «веймарских демократов “первого часа”» на уровне широких масс электората. Правительства «веймарской коалиции» ушли с политической арены, но остались отдельные представители проведения последовательного демократического курса в стране.

Среди них выделялась фигура рейхсминистра внутренних дел Адольфа Кестера (СДПГ), который считал себя ответственным за то, чтобы новое государство своей новой формой «врастало в народ». «Государство без формы, государство без символа, – подчеркивал он, – это – не государство...» Кестер являлся одним из инициаторов исполнения третьей строфы «Песни немцев» в качестве национального гимна 11 августа 1922 г., в день провозглашения конституции. Говоря о национальном сознании, он считал, что оно будет только «демократическим или его не будет совсем» [4, 76]. На следующий день после убийства рейхсминистра иностранных дел В. Ратенау Кестер предложил кабинету утвердить проект указа о защите республики. Чрезвычайно важным, с точки зрения Кестера, являлось то, что закон о защите республики создавался не на время, а на весь период, пока существовала опасность для республики. В отличие от «авторитарных демократов» последней фазы Веймарской республики Кестер считал, что правительство должно править «как можно реже и непродолжительнее с помощью статьи 48 Веймарской конституции (о предоставлении чрезвычайных полномочий президенту. – Т. Е.)». Осознанием огромной ответственности, выпавшей на долю правительства и каждого гражданина, проникнуты его слова: «Мы не хотим ждать, когда республике перережут плотку... Неважно, будет ли дальше жить тот или другой рейхсминистр; но важно то, чтобы эта страна жила <...> Эта страна в опасности. Мы находимся в состоянии борьбы. Правительство ожидает, чтобы каждый исполнял свой долг и выполнял свои обязанности» [19, 41].

При разработке и принятии первого закона по защите республики большую роль сыграл и Густав Радбрух. Являясь членом СДПГ, он рас-

смастеривал себя в первую очередь как юриста. Об этом он сказал в своей приветственной речи, подчеркнув, что чувствует себя прежде всего «юристом среди юристов». Радбрух считал, что «рейхсминистерство юстиции имело больше юридический, чем политический характер <...> Деловые задачи рейхсминистерства юстиции могли быть решены только с помощью профессиональных знаний и способностей. Рейхсминистерство чувствовало себя хранителем многолетних традиций по разработке техники закона и языка права <...> Любимым словом в министерстве было слово “деловитость”. Обсуждали вопросы по-деловому, и собственно политические взгляды не имели влияния <...> Рейхсминистерство было гордо тем, что являлось старейшим местом, где выращивались квалифицированные специалисты, работавшие также и в других ведомствах» [14, 106].

Это была точка зрения самого демократичного рейхсминистра юстиции Веймарской Германии, стремившегося к объективности и утверждению закона. Однако жизнь постоянно требовала выбора между абстрактными формулами и конкретной ситуацией. Еще во время Капповского путча Радбрух поддержал демократический государственный порядок и считал, что для республики наибольшую опасность представляют не левые, а правые группировки. Нельзя не отметить, что именно Радбрух серьезно воспринял книгу Э. Ю. Гумбеля [7] по политическим убийствам и дал распоряжение проверить имевшиеся в ней факты. Но в конечном итоге кризис в Германии 1923 г. привел его к сильнейшему разочарованию в политике.

Ситуация, сложившаяся в области юстиции, во многом была связана с тем, что демократически мыслящие политики и юристы расценивали принцип независимости и несменяемости судей, существовавший в кайзеровской Германии, наиболее ценным благом во всей системе правосудия и считали само собой разумеющимся, что в условиях создаваемого правового государства образованные судьи не должны быть сменяемы с целью сохранения своей независимости. Правящая СДПГ в лице главы СНУ, будущего рейхспрезидента Фридриха Эберта, предложила судьям кайзеровской Германии остаться на своих местах. Веймарская конституция 1919 г. закрепила принцип независимости судебной власти в статьях 102 и 104. Каковы же были результаты их деятельности в период становления республики?

Германский исследователь Г. Яспер [10] проанализировал судебные процессы по защите республики в трех областях: раскрытие преступлений, связанных с подготовкой убийств; обеспечение гарантий республиканской защиты от антидемократических союзов и объединений; защита республиканской чести с помощью судов. И везде он увидел «трагическую односторонность», что особенно выявил кризисный период 1919–1923 гг.

В 1921–1922 гг. были совершены политические убийства видных государственных деятелей, занимавших демократические позиции: рейхсминистра финансов М. Эрцбергера (ПЦ), рейхсминистра иностранных дел В. Ратенау (ГДП); было совершено покушение на жизнь обер-бургомистра Касселя, бывшего рейхсканцлера, Ф. Шейдемана (СДПГ). В организации и проведении этих громких политических убийств и в покушениях принимали участие представители националистической террористической организации «Консул». На судебных процессах участники преступления, не сумевшие скрыться, юноши 16–25 лет, мотивировали свои действия протестом против национальной измены Эрцбергера, подписавшего Компьенское перемирие [5, 10]; Ратенау, подписавшего Рапальский договор; Шейдемана, «сделавшего революцию» в Германии. К судебной ответственности были привлечены лица, оказывавшие косвенную помощь в организации убийства. Они не понесли фактического наказания. Элита правосудия, оставшаяся в суде фактически со времен рейха, выносила приговоры в соответствии с законом, но вне рамок права [8, 250]. При проведении этих и других политических процессов судьи рассматривали себя как служители государства вообще, но не республики и не демократии.

Итак, «веймарские демократы “первого часа”», несомненно, предприняли усилия для утверждения в Германии демократических принципов государственного устройства. Они приняли такую конституцию, которую по предоставлению прав и свобод не превзошел Основной закон ФРГ. Но в то же время они были немцами, вышедшими из определенной политической культуры кайзеровской Германии, и для них уважение к закону не являлось пустым звуком. Поэтому только не кровь, а компромисс, компромисс и еще раз компромисс, уступки всем, лишь бы не было гражданской войны. Демократы, зажатые между политическим прошлым, понятным основной массе населения, и демократиче-

ским настоящим (конечно, на основе западных образцов), понятным только горстке руководителей, подверглись нападкам и справа, и слева. Политическая элита в этой ситуации шла за событиями, а не опережала их, так как и сама не совсем понимала, чем политик в органах власти отличается от представителя партии. Чиновни-

ки, армия, юристы, считая себя наднациональной силой, не принимали партийное государство. «Веймарские демократы “первого часа”» занимались политической импровизацией, экспериментом, выступая в роли пионеров, однако с самого начала заложили мину «замедленного действия», которая и взорвала демократию.

Библиография:

1. Вебер М. Политические работы (1895–1919). М.: Праксис, 2003. 424 с.
2. Зонтхаймер К. Федеративная республика Германия сегодня: Основные черты политической системы / Под общ. ред. и с предисл. Я. С. Драбкина; пер. с нем. Г. Я. Рудого. М.: Памятники исторической мысли, 1996. 320 с.
3. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Deutsche Verfassungsdokumente 1918-1933 / hrsg. von E. R. Huber. Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer, 1992. Bd. 4. 682 S.
4. Doß K. Reichsminister Adolf Köster. 1883–1930. Ein Leben für die Weimarer Republik. Düsseldorf: Droste Verlag, 1978. 169 S.
5. Epstein K. Matthias Erzberger und das Dilemma der deutschen Demokratie. Frankfurt a.M., Berlin: Verlag Annedore Leber GmbH, 1962. 473 S.
6. Friedrich Ebert und seine Zeit. Bd. 1. Bilanz und Perspektiven der Forschung / hrsg. von R. König u.a. – München: Oldenbourg, 1991. 178 S.
7. Gumbel E.J. Vier Jahre politischer Mord. Berlin-Fichtenau: Verlag der Neuen Gesellschaft, 1922. 149 S.
8. Hannover H., Hannover-Drück E. Politische Justiz 1918–1933. Frankfurt a. M.: Fischer-Bücherei, 1966. 250 S.
9. Hudemann R. Eliten in Deutschland und Frankreich im 19. und 20 Jahrhundert. Bd. 1: Strukturen und Beziehungen. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1994. 324 S.
10. Jasper G. Der Schutz der Republik: Studien zur staatlichen Sicherung der Demokratie in der Weimarer Republik. 1922–1930. Tübingen: Mohr, 1963. 337 S.
11. Malinowski S. Vom König zum Führer. Sozialer Niedergang und politische Radikalisierung im deutschen Adel zwischen Kaiserreich und NS-Staat. Berlin: Akademie-Verlag, 2003. 660 S.
12. Nelson L. System der philosophischen Rechtslehre und Politik. Bd. 6. Hamburg: Felix Meier Verlag, 1976. 566 S.
13. Peukert D. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der Klassischen Moderne. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1987. 312 S.
14. Radbruch G. Der innere Weg. Aufriß meines Lebens. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1961. 164 S.
15. Rathenau W. Gesammelte Schriften in 6 Bänden Text. Bd. 6. Aus Krieg- und Nachkriegszeit. Berlin: Verlag Fischer, 1929. 284 S.
16. Schlosser H.D. Das Deutsche Reich ist eine Republik. Beiträge zur Kommunikation und Sprache der Weimarer Zeit. Frankfurt a. M.: Verlag Peter Lang, 2003. 227 S.
17. Schneider G. Wertelite und Macht. Schelers Beitrag zum Elitediskurs. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae. 2002. 240 S. // [Электронный ресурс] – URL: <http://edoc.hu-berlin.de/dissertationen/schneider-gabriele-2002-07-03/HTML/Schneider.html> (дата обращения: 23.12.2011).
18. Steinbach P., Tuchel J. (Hrsg.) Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Bonn, 1994. 672 S.
19. Stockhausen M. von. Sechs Jahre Reichskanzlei: von Rapallo bis Locarno / hrsg. von W. Görnitz. Bonn: Athenäum-Verlag, 1954. 279 S.
20. Verhandlungen des Reichstages, Sten. Prot. Bd. 330. S. 2887 (A).
21. Vossische Zeitung. 1924. 16 Feb.
22. Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Erster Band. Deutsche Geschichte vom Ende des alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. München: Beck, 2000. 652 S.
23. Winkler H.A. Die Sozialdemokratie und die Revolution von 1918–1919. Ein Rückblick nach sechzig Jahren. Berlin: Ullstein, 1979. 112 S.

References (transliterated):

1. Veber M. Politicheskie raboty (1895–1919). M.: Praksis, 2003. 424 s.
2. Zontkhaimer K. Federativnaya respublika Germaniya segodnya: Osnovnye cherty politicheskoi sistemy / Pod obshch. red. i s predisl. Ya. S. Drabkina; per. s nem. G. Ya. Rudogo. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1996. 320 s.
3. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Deutsche Verfassungsdokumente 1918-1933 / hrsg. von E. R. Huber. Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer, 1992. Bd. 4. 682 S.
4. Doß K. Reichsminister Adolf Köster. 1883–1930. Ein Leben für die Weimarer Republik. Düsseldorf: Droste Verlag, 1978. 169 S.
5. Epstein K. Matthias Erzberger und das Dilemma der deutschen Demokratie. Frankfurt a.M., Berlin: Verlag Annedore Leber GmbH, 1962. 473 S.
6. Friedrich Ebert und seine Zeit. Bd. 1. Bilanz und Perspektiven der Forschung / hrsg. von R. König u.a. – München: Oldenbourg, 1991. 178 S.
7. Gumbel E.J. Vier Jahre politischer Mord. Berlin-Fichtenau: Verlag der Neuen Gesellschaft, 1922. 149 S.
8. Hannover H., Hannover-Drück E. Politische Justiz 1918–1933. Frankfurt a. M.: Fischer-Bücherei, 1966. 250 S.
9. Hudemann R. Eliten in Deutschland und Frankreich im 19. und 20 Jahrhundert. Bd. 1: Strukturen und Beziehungen. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1994. 324 S.

10. Jasper G. Der Schutz der Republik: Studien zur staatlichen Sicherung der Demokratie in der Weimarer Republik. 1922–1930. Tübingen: Mohr, 1963. 337 S.
11. Malinowski S. Vom König zum Führer. Sozialer Niedergang und politische Radikalisierung im deutschen Adel zwischen Kaiserreich und NS-Staat. Berlin: Akademie-Verlag, 2003. 660 S.
12. Nelson L. System der philosophischen Rechtslehre und Politik. Bd. 6. Hamburg: Felix Meier Verlag, 1976. 566 S.
13. Peukert D. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der Klassischen Moderne. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1987. 312 S.
14. Radbruch G. Der innere Weg. Aufriß meines Lebens. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1961. 164 S.
15. Rathenau W. Gesammelte Schriften in 6 Banden Text. Bd. 6. Aus Krieg- und Nachkriegszeit. Berlin: Verlag Fischer, 1929. 284 S.
16. Schlosser H.D. Das Deutsche Reich ist eine Republik. Beiträge zur Kommunikation und Sprache der Weimarer Zeit. Frankfurt a. M.: Verlag Peter Lang, 2003. 227 S.
17. Schneider G. Wertelite und Macht. Schelers Beitrag zum Elitediskurs. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae. 2002. 240 S. // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://edoc.hu-berlin.de/dissertationen/schneider-gabriele-2002-07-03/HTML/Schneider.html> (data obrashcheniya: 23.12.2011).
18. Steinbach P, Tuchel J. (Hrsg.) Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Bonn, 1994. 672 S.
19. Stockhausen M. von. Sechs Jahre Reichskanzlei: von Rapallo bis Locarno/ hrsg. von W. Görnitz. Bonn: Athenäum-Verlag, 1954. 279 S.
20. Verhandlungen des Reichstages, Sten. Prot. Bd. 330. S. 2887 (A).
21. Vossische Zeitung. 1924. 16 Feb.
22. Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Erster Band. Deutsche Geschichte vom Ende des alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. München: Beck, 2000. 652 S.
23. Winkler H.A. Die Sozialdemokratie und die Revolution von 1918–1919. Ein Rückblick nach sechzig Jahren. Berlin: Ullstein, 1979. 112 S.